

С. Л. ФРАНК

Большевизм и коммунизм как духовные явления

И в обычной речи, и в официальном обращении «большевизм» и «коммунизм» употребляются как синонимы. Имя «большеви́стская партия» возникло в 1903 году, когда на съезде русской социал-демократической партии радикальное ее большинство отделилось от умеренного меньшинства и основало особую партию — «партию большинства». После того, как в вооруженном восстании в октябре 1917 года она свергла Временное правительство, опиравшееся на умеренные социалистические партии, и взяла власть в свои руки, она приняла официальное имя «коммунистической партии»; но еще долго после этого название «большеви́стская партия», хорошо знакомое народу, употреблялось официально. Поэтому в народной речи «большевизм» понимается до сих пор как «коммунизм».

Вместе с тем в народе встречается, хотя и не широко распространенная, замечательная практика резко различать «большевизм» и «коммунизм». Во многих ожесточенных и кровавых восстаниях против господствующей в России власти можно было слышать, что против коммунизма борются люди, вполне искренно называвшие себя «большевиками». Зачастую люди из низших слоев народа называют себя большевиками и с отвращением говорят о коммунистических правителях. Это странное недоразумение иногда перерастает в легенду, будто бы произошедшая в Октябре 1917 года славная и обнадеживающая большеви́стская революция, имевшая целью установить настоящее крестьянское и рабочее правительство, потерпела поражение и каким-то образом позднее (когда — остается здесь, естественно, неизвестным) коммунисты и евреи (которые совершенно не отличаются друг от друга) захватили власть и тем вновь обрекли народ на рабство и нужду. Под этой легендой скрывается тот несомненный факт, что народ,

с воодушевлением поддерживавший революцию, рассматривает ее как неудавшуюся; «большевики» обещали свободу и народную власть, они вообще обещали дать много *больше, чем он* до этого имел (слово «большевики» было понято в народе не в смысле партийного *большинства* — по законам русской этимологии именно такое значение наиболее близко и естественно); но после революции большевики оказались «коммунистами», иноземными господами, имя которых народу совершенно непонятно, а из-за их хозяйственной политики, столь обременительной для крестьян из-за притеснений и насилий, преследований Церкви и засилью евреев в правительстве, коммунистов стали ненавидеть.

Эта парадоксальная языковая практика, своеобразно отражающая самочувствие народа и говорящая о пересечении в русской революции различных духовных устремлений и социально-политических факторов, должна послужить нам исходным пунктом для попытки хотя бы частично разгадать загадку (или загадки) русской революции. Как случилось, что крестьянский народ подействовал коммунистическому господству? Как произошло, что народ, который Достоевский — как это казалось до сегодняшнего дня — справедливо называл «народом-богоносцем», народ, проникнутый достойными уважения древними традициями, которого в прошедшем веке рассматривали в качестве главной опоры консерватизма в Европе, вдруг поменял свое мировоззрение и вместо своих святых и Богом данного царя избрал своими вождями и властителями западноевропейских социалистов? Как вообще возможно, что священные старые башни Московского Кремля, выдержавшие столько вражеских набегов, видевшие армию Наполеона и оставшиеся несокрушимыми, теперь служат воротами резиденции коммунистического правительства, а кремлевские часы вместо привычного гимна «Коль славен наш Господь в Сионе» теперь ежедневно исполняют «Интернационал»? Резкое разделение двух духовных стремлений, которые мы обозначили именами «большевизма» и «коммунизма», в определенной степени послужит решению этой загадки.

Собственно, европейцы должны хорошо знать, что означает «коммунизм», потому что он является в известном смысле последним результатом их собственного исторического развития. По счастью, европеец знает коммунизм только как идею, идеал будущего, в то время как Россия приучается узнавать его осуществленное общественное устройство. Коммунизм был провозглашен Марксом и Энгельсом в 1848 году знаменитым «Манифестом Коммунистической партии». Он является не чем иным, как последовательно и бесстрашно проведенной идеей революционного социализма.

Мнение, будто русский коммунизм есть извращение марксистского социализма, так сказать, ересь в отношении к ортодоксальной социалистической вере, часто выдвигаемое в социал-демократических кругах, абсолютно неверно. Например, совершенно правы коммунисты, в свою очередь обвиняя западноевропейские социалистические партии в опошлении и фальсификации подлинного содержания революционного марксистского социализма. Впрочем, такое опошление или отступление от революционного социализма частью уже было проделано в поздних работах самих его основателей; со своей стороны, социалистическим ученым, используя цитаты из священных текстов позднего периода, легко уличать коммунистических практиков в ортодоксальности. Факт, что революционный социализм, провозглашенный в сороковые годы, уже очень скоро во всей Западной Европе обнаружил тенденцию внутренне приспособиться к основоположениям буржуазно-демократического правового государства, — этот факт неоспорим. Идея подлинного преобразования всего существующего общественного порядка, последовательной социальной революции и планируемым уничтожением государства, науки, семьи и собственности скоро выродилось если не в лицемерие, то по меньшей мере в туманную, апокалиптическую надежду, осуществление которой отодвинуто в столь далекое будущее, что оно не имеет никакой связи с сегодняшней практикой. Революционный материалистический социализм стал верой без дел, «мертвой верой»; напротив, все реальные дела и даже пожелания социалистических партий, несмотря на их относительный радикализм, приноравливались к существующему общественному устройству и внутренне проникались его духом. Если раньше в этом отношении еще могли быть какие-нибудь сомнения, то такое положение вещей было убедительно и неопровержимо подтверждено деятельностью социалистических партий Западной Европы во время мировой войны.

Напротив, русский коммунизм как в своей теории, так и в практике является не чем иным, как попыткой вполне серьезно принять и учитывать революционно-материалистический социализм в его первоначальном содержании и цельном значении. Он был осуществлением невиданного, доселе едва мыслимого *experimentum in corpore vili**.

Одно из могущественных государств Европы было использовано как испытательный полигон, и 120 миллионов русских безжалостно и последовательно были превращены в подопытных кроликов. Если при этом не удалось совсем уничтожить весь преж-

* У биологов — опытом на малоценном организме (*лат.*). — *Ред.*

ний общественный строй, то, во всяком случае, к этому делается попытка; по крайней мере, в принципе прежний общественный строй отменен и его заменяют положением, покоящимся на совершенно иных социально-политических основаниях. Для всех культурных народов Европы именно в этом заключается исключительное и совершенно своеобразное значение русской революции; она — опытная проверка социализма, как его однажды в шутку советовал Бисмарк и как он вполне серьезно внедряется в России. Разумеется, можно сказать — и об этом нередко говорят, — что подобный единичный эксперимент, проведенный при совершенно случайных условиях и в очень своеобразной среде, не может доказать многое; но, с одной стороны, нельзя ни надеяться, ни желать, чтобы эксперимент повторился снова, и, с другой стороны, наука обязана и может сделать значимые всеобщие выводы даже из одного-единственного события, используя известные ей аналитические методы, отделяя необходимое от случайного. Задумавшись над колоссальностью этой попытки для жизни европейских народов, можно только удивляться тому, как мало внимания уделяется этому факту в европейской науке, как мало разрабатывается это золотое дно социально-научного исследования. Как уже сказано, в революции по-настоящему уничтожены все основания гражданского порядка — по крайней мере, принципы права. Более не существует национального государства: прежнюю Россию сменил Союз социалистических республик разных народов, которые, понятно, объединены деспотической центральной властью; ее же политика преследует только международные цели, а именно — всемирную миссию коммунизма. Не существует более частной собственности: фактически «обобществлены» не только «средства производства» и сделана попытка государственного управления всем народным хозяйством; вообще обладание и пользование благами сомнительно; они отданы на произвол государства, которое в любой момент может безвозмездно конфисковать все, что сочтет необходимым, и обычно пользуется этим правом. Не только очень узки границы гражданской свободы, однако — что и является важнейшим — они регулируются не какими-либо постоянными нормами права, а политическими органами; не имеет никакого значения принцип неприкосновенности, вытекающий из договорных отношений, напротив, правительственные меры здесь всегда имеют обратную силу. Брак заменен совершенно свободным, только регистрируемым государством и в каждом случае произвольно расторгаемым, отношением полов, и родительская власть, по крайней мере для всех некоммунистов, сведена к минимуму. То, что не существует свободы вероисповедания, слова, собраний, что вообще никакого

применения не находит понятие частного права — само собой понятно и достаточно известно. Но вот что, вероятно, является главным: сама идея права, как объективно надличностная, суверенная инстанция, которая в равной мере связывает как законодателя, так и исполнителя, защищает субъективные права личности и ставит нерушимые границы любому произволу, отвергается совершенно и принципиально, и практически. В согласии с материалистическим пониманием общества она заменена идеей классовой диктатуры, господства пролетариата. С одной стороны, господствующий класс (фактически выступающий как отдельные представители пролетариата, выдвинутые господствующей партией) в любой момент имеет право проводить свои меры помимо писаного права; с другой стороны, всякий правовой акт должен руководствоваться не объективно ценным правом, а, прежде всего, интересами коммунизма и господствующего класса. Политика правительства может колебаться, она может сохранить большую или меньшую свободу личности в гражданской и хозяйственной жизни; исходя из соображений целесообразности, под контролем государства, она может — как это однажды имело место — снова ввести уничтоженный капиталистический порядок. Но все это — только произвол правительства, которое может не только в любой момент изменить все нормы права, но и может в каждом отдельном случае действовать вопреки им же установленному правовому порядку. (Характерным примером этому является тот факт, что торжественно объявленная в 1920 году отмена смертной казни, по практическим соображениям, вообще не принимается во внимание правительственной и судебной практикой.)

Нужно открыто признать: господство коммунизма есть самое ужасное из того, что когда-либо переживали не только европейские народы Нового времени, но и человечество в целом. В сравнении с ним любой другой государственный и общественный порядок, вплоть до пресловутого азиатского деспотизма, кажется гуманным и либеральным установлением. До русского коммунизма во всемирной истории не было такого деспотизма, который, с одной стороны, втягивал всю жизнь подданных в орбиту своей власти и пытался по общим принципам регулировать ее, а с другой — опирался при этом на чисто материалистическое мировоззрение при отрицании всех нравственных и религиозных ценностей. Любой деспот мог, конечно, произвольно распоряжаться жизнью и собственностью своих подданных, но делал он это в исключительных случаях и не пытался сверху планомерно управлять всей хозяйственной жизнью, предоставляя свободному обращению хозяйственную и личную судьбу. И, с другой стороны, никогда

не было деспотизма, который, используя свою неограниченную власть, так принципиально-цинически апеллировал бы только к своему собственному господству; любой самодержец милостью Божьей по меньшей мере ссылался на принцип божественного установления; какой-нибудь деспот пытался, хотя и лицемерно, оправдать свой произвол ссылками на народное благо или на объективную важность и сохранение справедливости. Как известно, лицемерие — это дань, которую порок платит добродетели, но как бы не расходилась практика с теорией и публично провозглашенными принципами права, однако, в общем, ценность права признавалась и обращение к его нормам, даже если они оставались бездейственными, по меньшей мере соответствовало праву и было его признанием, и это на практике ограничивало произвол известными рамками. Все обстоит совершенно по-иному при господстве материалистического коммунизма: только здесь судьи и чиновники при конфликте между правом и интересами коммунистического государства действовали *вопреки праву*, просто отклоняя вообще апелляцию к всеобщим нравственным нормам, которые введены самим государством, ссылаясь на материалистическое мировоззрение и обоснованный им суверенитет господствующего класса.

Никогда не существовало такого общественного устройства, где принцип «власть предшествует праву» (власть первенствует над правом) считался бы единственным и высшим принципом управления и права, как это есть при коммунизме; никогда не было такого общества, в котором бы вся жизнь личности была бы так безраздельно подчинена государству. Эта связь деспотического самодержавия, не подчинившегося никаким нравственным заповедям или принципам права, однако публично заявившем о собственном интересе как последнем обосновании своих действий, самодержавия, так сказать, совсем не милостью Божьей, а самодержавия во имя материалистического эгоизма и попытки государственно-планомерно регулировать всю жизнь человека и управлять ею, и образует как раз духовную сущность коммунизма. Не будет преувеличением сравнить коммунизм с адом, властью сатаны.

Само собой разумеется, что такой общественный порядок и лежащая в его основе жизненная философия не может возникнуть из действительных потребностей народа, из положительно-творческой народной воли. Как таковой коммунизм фактически не имеет никаких национально-исторических корней в русской народной жизни и в русском миропонимании. Он импортирован с Запада и может быть рассмотрен как ублюдожное порождение западного безверия, обезвоживания общественной и государственной жиз-

ни. Если рассматривать историческое развитие Западной Европы в Новое время — от Ренессанса и Реформации вплоть до наших дней — как одно большое духовно-историческое движение, то оно обнаружит себя как непрерывное последовательное освобождение жизни от ее религиозных основ, как секуляризация всего понимания жизни. Это явилось попыткой подменить Божественные основы жизни и ее близкие отношения с Богом принципом суверенитета человека и его самодержавной волей. Некоторые полагают, будто западноевропейская демократия — это последний и вполне закономерный результат такого процесса; но фактически дела обстояли иначе. Известно, что социализм возник от разочарования в демократии; демократия только формально обеспечивает суверенитет народной воли и не гарантирует его реализацию; чтобы иметь возможность осуществить народную волю фактически, народ должен был взять в свои руки хозяйственную жизнь общества; — это и было основной идеей социализма. С другой стороны, демократия как *либеральная* демократия имеет, как известно, религиозное происхождение: она связана с принципом прав человека и политической свободой, а не господством народной и личной воли в ее природной сущности, вне связи с высшими, абсолютными ценностями; она ограничивается здесь идеей неприкосновенности личной свободы, а эта последняя идея имеет религиозное происхождение. Напротив, социализм — не в его компромиссной форме (социал-демократия), а в его чистой сущности — в коммунизме, является действительно последовательным проведением принципа неограниченного самодержавия природной человеческой воли, которая необходимо в то же время заключает в себе отрицание и уничтожение всякой действительной человечности (именно как высшего принципа, потому что человечность покоится на богоподобии человека и его покорности Богу). И вот встает большой и значительный вопрос: как случилось, что Западная Европа избежала коммунизма — этого последнего последовательного результата своего собственного духовного развития, в то время как Россия, вся жизнь которой, казалось, покоилась на древних религиозных основах, Россия, не пережившая ни Реформации, ни Ренессанса, стала местом, где коммунизм победил? Ответ на этот вопрос ведет нас к пониманию внутренних основ русской революции, той самой ее сущности, которую мы обозначили словом «большевизм».

С точки зрения всемирно-исторического процесса духовного развития русская революция — это последнее выражение той тенденции к автономии и секуляризации культуры, которая возникает на Западе в эпоху Ренессанса и Реформации, а в России началась с реформ Петра Великого. Но русское культурное раз-

витие от западноевропейского отличаются две особенности. Первая определяется временем и формой возникновения этой тенденции, а вторая зависит от внутренних особенностей русского духовного мира как такового.

На Западе освобождение личности и омирщение культуры протекали, как уже сказано, в мощном спонтанном духовном и религиозном движении Ренессанса и Реформации. Национальное государство и секуляризованное общество явились тем чистым, постепенно произраставшим плодом этого внутреннего духовного процесса. В России этот процесс начинается внезапно и внешне — с секуляризации государственной формы и гражданско-правовых жизненных отношений; в этом смысле можно будет сказать, что Петр Великий — *toutes proportions gardees** — был первым русским революционером. На Западе первый, творческий период этого процесса, когда такие, исходящие с периферии культуры тенденции стали проникать в глубины личного духа, давно миновал и симптомы его разложения и опошления выступили довольно ясно. В России первым проявлением светской автономной личной духовной культуры стал круг свободомыслящих дворян при дворе Екатерины Второй; это было уже во время атеистического Просвещения, прямо перед французской революцией. Но когда в России во второй половине XIX века это духовное движение стало распространяться в более широких, городских слоях населения и когда в начале XX века оно проникло в народные массы, на Западе все возможности этой гуманистической тенденции исчерпали себя, и на их месте выступил социализм — продукт ее агонии и саморазложения. Так произошло, что духовное движение, которое в России можно считать позднейшим суррогатом Реформации и Ренессанса, смогло собрать не первые богатые и сочные плоды западного духа, а его последние засохшие остатки. У «освободительного процесса» в России отсутствовали глубокие и богатые основы, на которых были обращены все гуманистические силы и тенденции на Западе. Но особенность секуляризационного процесса в России не может быть объяснена ни его поздним наступлением, ни направленностью его распространения от государственной периферии к духовному центру. Его последняя причина заключена в своеобразии русского духа и русской религиозности.

От рождения германских государств в раннем Средневековье религиозный дух Запада направлялся на формирование нравов и правовых отношений. С детства западные народы были воспитаны строгой теократической дисциплиной и обучением. Церковь

* При равных условиях (фр.). — *Ред.*

формировала жизнь, которая во всех — государственной, нравственной и гражданской — областях покоилась на религиозных основах. Вера в эти основы так прочно выросла в душу европейца, что после разрушения теократического фундамента жизни осталась неприкосновенной как известные «священные принципы», нормирующие жизненное устройство. Все, даже совершенно светские принципы — право собственности, частное право, парламентаризм — все основные принципы как гражданского права так и государственного устройства — являются законными наследниками этого религиозно-теократического духа, несмываемые следы которого до сих пор несет на себе понимание жизни европейцем. Это стало основой глубокого, светского социально-политического консерватизма, который отличает европейскую жизнь даже после отмирания религиозного регулирования государственной и общественной жизни и сохраняет ее и ныне от уничтожения анархически-революционными тенденциями.

Западное неверие, западное отрицание религиозных основ жизни выражается не во все уничтожающем нигилизме, а в замене религиозного понимания жизни верой в святость мирских ценностей и идеалов, обоготворением известных земных инстанций, что образует сопротивляемость разрушительным тенденциям неверия.

Совершенно иное в России. Большая духовная энергия, черпаемая из неиссякаемого источника православной веры, направлялась в глубины духовной жизни, не участвуя заметно в формировании гражданской и государственной жизни. Частью по этой причине, частью вследствие особенностей русского национального характера, связанного с русской религиозностью, русской душе остается совершенно чуждой до сегодняшнего момента мораль и право в светском смысле, как независимые от религии; типичный русский не верит в какие-либо автономные, на самих себе покоящиеся ценности и идеалы гражданской и государственной жизни. Напротив, если русскому присущ настоящий «страх Божий», действительная религиозная просветленность, тогда он проявляет признаки удивительного духовного величия и чистоты; или же, если он утратил веру, он становится полнейшим нигилистом, уже ни во что не верящим, полагающим, что теперь все позволено. Единственная вера, на которой держалась вся русская государственная и правовая жизнь до революции, — это религиозная вера в монархию, в «Батюшку-Царя» как носителя религиозной правды во всех земных начинаниях. Вся русская светская государственная и духовная культура, несмотря на ее относительное богатство и двухсотлетнее существование (с Петра Великого), никогда не имела непосредственных корней в русском народном

сознании; она даже была чужой народу, и он терпел ее только потому, что культура была продуктом монархии, санкционированной в последней инстанции царской волей. Поэтому русская революция не могла руководиться никаким либерально-демократическим или гуманитарным пониманием жизни, когда однажды вера в Богом данного царя — носителя Божественного права и абсолютной справедливости на земле — исчезла. Вместе с монархией в тот же миг должны были рухнуть все основания западноевропейской государственной и гражданской жизни в России. Отсюда ясно, что коммунизм — конечно, не в своем положительном содержании как последовательный социализм, а в своей отрицательности, как чистый нигилизм — мог получить опору в русском народном сознании, когда оно потеряло веру в религиозную основу государственного и гражданского порядка. Русский крестьянин, как крестьянин вообще, естественно, далек от того, чтобы быть социалистом; если даже отвлечься от того, что у русского крестьянина, как и вообще у русского человека, по указанным выше причинам, отсутствует вера в святость *права* частной собственности, то следует отметить, что он и психологически, и экономически является частным собственником и не склонен ни к какой социализации; когда он помогал коммунистической революции победить, то он менее всего думал о введении коммунистического хозяйственного порядка. Когда русскую революцию хотят объяснить с материалистической точки зрения, то достаточно сказать, что большевики соблазнили крестьян обещанием немедленного мира, возвращением солдата в деревню и увеличением своей собственности участием в дележе крупных поместий. Этого объяснения недостаточно, так как, с другой стороны, известно, что духовно крестьянин настроен консервативно. Следовательно, чтобы понять великое историческое явление русской революции в его последней глубине, нужно пытаться проникнуть в ее глубочайшие именно духовные корни. И здесь на основании вышеизложенного можно пока заявить, что коммунизм как нигилизм, как отрицание существующих правовых и государственных принципов был жадно воспринят душой русского народа. Это как раз то, что можно назвать «большевизмом» в негативном смысле, то есть стихийным движением народного духа. Это разновидность отрицательной религиозной иллюзии, овладевшей душой русского народа, потерявшего веру в старую религиозную правду. Это — острый кризис русского религиозного сознания, который выразился в нигилистическом «все позволено, нет ничего святого!» и практически привел к анархическому восстанию в его типично русской форме, о которой однажды Пушкин при описании подобного восстания Пугачева сказал: «Не приведи

Господь пережить русский бунт — бессмысленный и беспощадный!»). Коммунистическая партия для того, чтобы разрушить старый общественный строй, взять власть в свои руки и основать деспотическое коммунистическое государство, совершенно чуждое народному сознанию, использовала нигилистическую страсть к разрушению, свойственную наивной русской душе, не сдерживаемую ничем, кроме религиозной веры, не признающую никаких, так сказать, средних автономных ценностей и норм.

Большевизм как народное движение был тем самым охарактеризован односторонне, с его негативной стороны. Но он имеет и позитивное, много глубже лежащее содержание, которое, правда, тоже выражается в нигилистической установке. Это позитивное содержание мы можем определить как стремление русского народа к самоуправляемой государственной власти, к гражданскому и государственному самоуправлению, представление о котором имеется в народном сознании. Русский большевизм как спонтанно историческое народное движение, если отвлечься от его нынешнего болезненного извращения, является, собственно, не чем иным, как *демократическим* движением низших народных слоев. Только под словом «демократия» не нужно мыслить определенную западную политическую форму, а понимать ее более широко. Начиная с Петра Великого русский народ жил при государственном и общественном устройстве, которое признавалось своим и духовно близким лишь высшими слоями общества; для крестьянина, как уже было отмечено, в этом порядке было понятно и свято лишь одно — только церковно освященная царская власть. Такой порядок, с его западным отпечатком, русскому народу был внешне навязан, внутренне чужд его духу, что было санкционировано, так сказать, сверху, священным авторитетом царя. Еще два столетия Россия жила — чем дальше, тем больше — при таком порядке жизни, который был совершенно трансцендентен народной душе, потому что для народа его единственной точкой опоры было упование на высшую милость, на святую власть царя. Весьма примечательной особенностью социальной структуры России было то, что в отношениях между высшими и низшими слоями населения были не только классовые противоречия в хозяйственном смысле, но и глубоко проникающие *культурные противоречия*. Как в большинстве своем французский крупный землевладелец, так и чиновник и зажиточный горожанин казались крестьянину чужим, непонятным и совершенно бесполезным существом, которое как «барин» резко противостоит крестьянину, ему самому, рассматривавшему себя единственным носителем русского духа и русского народа. Несмотря на то, что в последнее десятилетие

в правовом отношении крестьянин стал полноправным гражданином и имел возможность, благодаря школьному образованию или профессии, проникнуть в высшие слои (реально это осуществлялось в возникновении богатого купечества из крестьянства), жили крестьяне в таких обычаях, в которых ощущались остатки крепостного права. Запоздалая отмена крепостничества, в результате чего, к сожалению, была упущена возможность дать крестьянину землю в частную собственность и защитить ее законом, и политическая реакция 80-х годов, когда попытались заменить в качестве опекуна крестьянина дворян-землевладельцев институтом там называемых «земских начальников», при котором дворянин-земледелец был одновременно помещиком, судьей и окружным начальником, — все это способствовало тому, что воспоминание о крепостном праве постоянно оживало в народном сознании. Несмотря на все проводимые после отмены крепостного права гуманные и либеральные реформы, благодаря которым Россия, казалось, превращается в европейскую страну по форме государства и по характеру гражданских отношений, — а после 1905 года страна получила и конституционное устройство¹, — она оставалась внутренне совершенно неорганическим целым, которое и по нравам, и воззрениям, и по всему стилю жизни было разделено на две противостоящие половины, можно сказать, на две различные нации — на крестьянскую массу и на господ, по-западному образованных и одетых.

Наконец, нужно отметить, что единственный опорный пункт этого неорганического образования, поддерживающий его целостность — священный авторитет царской власти, начал постепенно терять свое волшебное влияние на сознание народа. По этой причине или одновременно с нею в народном сознании возникла и стала утверждаться потребность взять свою судьбу в собственные руки и помочь наконец крестьянину стать хозяином в собственной стране. Великая война, в которой народные массы приобрели чувство своей активной значимости в государственной жизни, к тому же еще множество неудач в войне, русский способ ведения боевых действий с неслыханными тратами человеческого материала и, наконец, возникшие в атмосфере болезненного социального настроения подозрения, что «господа» обрекают народ на гибель, а сами не хотят воевать, — все это привело к взрыву долго копившейся напряженности. Не нужно удивляться тому, что в народном сознании нашли мощный отклик социалистические призывы: «Долой войну» и «Мир хижинам — война дворцам», «Раздел помещичьих земель» и «Вся власть — трудящимся». Если некоторые из них или, вероятно, большинство этих демагогических

требований апеллировали просто к жадности и эгоистическим страстям, то программа непосредственной и, так сказать, органической демократии, как она выразилась в принципе «крестьянских и рабочих советов», отвечала глубоко прочувствованному и долго пестуемому правовому народному сознанию. Только этим объяснимо, почему большевикам сразу же после проведенной ими же деморализации и разложения армии удалось создать новую, победоносную народную армию для ведения гражданской войны, войны против господ. Это великое народное движение, имевшее своим замыслом создать чисто народный уклад жизни при господстве «крестьянства» — но связанное одновременно с нигилистическим разрушением всех ценностей, — образует то, что можно назвать «большевизмом» в противоположность коммунизму. Относительная сила и продолжительность противоестественного коммунистического господства, парализующего и разрушающего хозяйство и культуру, основаны на том, что народ, несмотря на то, что он разочарован в результатах революции и ненавидит теперешних властителей, все еще не потерял веры в свои замыслы и ни в коем случае не хочет возвращения к старому государственному порядку. Сам по себе коммунистический порядок не является естественным, органическим продуктом этого великого народного движения; напротив, он является не более чем, так сказать, долго длящимся болезненным и конвульсивным состоянием в процессе рождения нового порядка жизни — состоянием, которое в конце концов будет разрешено посредством внутреннего духовного стремления соответствующего социально-политического развития.

Коммунизм — это тупик, неверный путь, на который вступило стихийное большевистское народное восстание из-за слепого доверия народа к социалистическим вождям, которые ловко воспользовались народными страстями для своих целей. Во всяком случае, имеется два важных пункта, в которых оба эти движения — простое народное движение и партийная политика коммунистического фанатизма — чисто идеологическая, не находящаяся ни в какой связи с действительными жизненными потребностями, но проводимая без каких-либо колебаний — в которых они по-настоящему солидарны: первый — ненависть ко всему старому государственному и общественному устройству, революционная ярость уничтожения и второй — нигилизм, отрицание всех достигнутых ценностей и норм и намерение создать новый общественный порядок. Но уже в этом нигилизме, если взглянуть в него поглубже, собственно народное сознание и мировоззрение партийных вождей расходятся. Для последних характерен рационалистический атеизм и идея коммунизма с мечтой

создать общество с неограниченно-деспотически действующим, все планомерно сверху регулирующим, управлением. Для большевистского народного сознания характерна, с одной стороны, и пьянящая мечта о безграничной свободе, в которой нашла бы свое выражение полнота естественной мощи народа, а с другой — надежда посредством отрицания всех трансцендентных ценностей достичь государственного строя, который был бы основан на свободе и достоинстве человека, демократическом правовом сознании.

Что такое анархическое движение к свободе ведет к деспотизму, и что оно, соединившись с мертвящей коммунистической доктриной, привело к совершенно неслыханному, единственному в истории деспотизму — это громадный урок, который народ извлекает из собственного опыта и который будет воспитывать его и в религиозно-нравственном, и в государственно-правовом отношении. Сам большевизм — в противоположность коммунизму — есть юношески наивная, свободная и неопытная форма великого духовного народного движения, который устремлен к преодолению неорганической эпохи русской истории, в которой государственно-правовые реформы, предпринятые под влиянием Запада, а также духовная культура высших сословий находились в дисгармонии с сознанием низших слоев и влияли на народную жизнь извне, только через власть государства. Положительный идеал этого народного движения, конечно, теперь еще совершенно неизвестен народному сознанию, принадлежа ему бессознательно-потенциальным образом. Удастся ли русскому народу, когда, в какой форме создать государственный и правовой строй, соответствующий его новому духовному состоянию, — это, конечно, вопрос, на который нельзя ответить в настоящее время. Фактически на него ответят только последующие десятилетия истории. Во всяком случае, в него войдет не только освобождение от коммунизма, но и продолжение юношески горячих, анархистско-большевистских форм стремления к свободе и замена их положительно-религиозной и государственно-творческой формой жизненного идеала, рожденного народным сознанием.

